

Зверев Сергей
Как всегда — ни «здрасьте», ни «спрошай» — лишь кивнул головой: мол, сейчас освобожусь. Потом — мимоходом: «Ты напиши обо мне хорошо».

— Да разве о тебе много плохого пишут?

— Пишут много, и много плохого. Хочешь, анекдот расскажу? Идет семинар, Зверев показывает на лысых манекенщицах модели новых причесок: на одной лысой голове пишет «каре», на другой — «стрижка асимметричная». Фишка про меня такая.

Но по жизни он не очень-то разговорчив. Я бы сказала: скромн и стеснителен.

Он принадлежит к новому типу людей, умеющему не только думать и мечтать, но и работать. И потому в 23 о Сергее Звереве уже говорили, а в 28 назвали «лучшим среди лучших». Он из обоймы «звезд» нового поколения. Поколения, на которое воспеваемые «шестидесятники» смотрят, как на привидение: и боятся, и не видят, и охают. За «сиренево-туманной» ностальгией по прошлому, за охами «мы ничего не оставили после себя», за страхом перед настоящим и будущим почему-то не видят их, сделавших себя. Выросших, как цветы на асфальте.

Я ЗНАЮ, что ты сейчас спросишь: где и когда я родился? — с северным акцентом, нарспев. — Я родился на Байкале, 28 лет назад. Жил с мамой, папой, старшим братом.

— Стоп! Это же не урок истории! Лучше расскажи, тебя мама с папой в угол ставили?

— Меня наказывал только отчим, мама — никогда. Вообще-то я был примерным мальчиком, но очень упрямым: если чего-то не хотел — никогда не делал. Однажды — уж не помню за что — меня в угол поставили. Сказали, что отпустят, если попрошу прощения. Я всю ночь стоял — чуть сознание не потерял, а утром отчим сказал: «Поразительно, а ведь ему всего шесть...».

— А сегодня тебя загоняют в угол?

— Постоянно. «Ты должен, ты должен, ты должен...» А кому я должен? Ну почему я должен? И за что? Меня часто обманывают: и на работе, и в личном. В личном вообще много неискреннего. Почему? Наверное, потому, что я плохо разбираюсь в людях — за чистую монету все принимаю. Иногда оказывается, что кто-то со мной, потому что я — Зверев. Неприятно. Неприятно, когда эксплуатируют твоё имя. Да ладно, я не пафосный, если нужно, я всегда отработаю.

— У тебя же есть мама — ее-то в этом смысле упрекнуть невозможно.

— Ты знаешь, — вздыхает, — иногда я ее просто не понимаю. Ну-у-у, мы долгое время жили порознь, я считался отрезанным куском, и так было легче. Поэтому я никогда не думал о проблемах двух поколений. Сейчас мы живем вместе. И я мучаюсь.

— То есть?

— Любимой маме хочется, чтобы дети жили рядом. Приходили с работы вовремя, кушали вовремя, ложились спать вовремя. Ходили вместе в кино, в гости, в театр. У меня этого нет. Всем мамам хочется, чтобы у них были красивые невестки. У меня этого нет. Моей маме хочется, чтобы я был маленьким, чтобы у меня было много свободного времени и я всегда был рядом. Но этого нет! Она ревнует меня к манекенщицам, к артистам, к друзьям — она против той жизни, которую я веду.

Так уж получилось, что и семейная жизнь меня не устраивает. Я против такой семьи, которая у меня была. И лучших вариантов у меня пока нет. Что ты так смотришь? Да, я был женат. И думал, что все это нормально, что все так живут. Но понял, что не могу творчески работать, что-то останавливает. Я долго не мог понять что: вроде семья как семья, самая обычная. Но именно семья мне мешала! У меня — показы, а моя жена хочет пойти на день рождения к подруге. У меня — семинар, а ей хочется куда-нибудь поехать. Она меня спрашивала: тебе что, там деньги платят? Ты что, хирург? Пожарный? Она не понимала, что это моя работа.

На хрена мне тогда семья?

— В твоей жизни есть человек, о котором ты думаешь постоянно?

Склоняет голову набок, краснеет и держит долгую паузу, не поднимая глаз:

— Мне кажется, что я на этом человеке уже крест поставил. Это, знаешь, такое личное — мне просто больно об этом говорить. Да, наверное, все кончилось. Все.

Но я сильный человек. Я вообще в этой жизни отказываюсь от всех соблазнов.

— Если бы тебе предложили все блага

— О-о! Тогда я срываюсь. Я начинаю кричать, ругаться, топтать ногами — в этом тоже потребность есть. Чаще всего срываюсь на маме. Но я быстро отхожу. Я просто человек настроения: или веселый, или грустный. Фальшивить и играть не умею — не получается, поэтому... уж лучше быть таким, какой есть.

О ЗВЕРЕВЕ я узнала лет пять назад. Помнится, посетила салон, где тренировалась команда парикмахеров (слово «стилист» еще не практиковалось), выезжающая на чемпионаты Европы и мира

Мск. Комсомолец. — 1999. — 23 апр. — С. 2.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Сергей ЗВЕРЕВ: «Из двух дорог — в рай или ад — я выберу последнюю»

Фото из семейного архива: мать и сын.

выясняется, что у него много слабостей: часто ездит в Переделькино, на двухэтажную дачу друга, проживающего в Париже (потому, что любит одиночество); может все бросить и пойти в театр (любимый — Большой) и очень любит поспать — «выбираю день на неделю и...».

— Я на ногах с 9 утра до 11 вечера. Воля у меня железная, но сам я... тут вот ноги подвели: сосуды лопнули, я еле стою.

Но все думают, что я железный — пусть думают, я для всех должен быть таким. Знаешь, я в работе — зверь. Но в душе... Устал, что ли? Нервы сдают.

— И тогда?

по парикмахерскому искусству. Тогда я познакомилась с Долорес Кондрашовой — главным тренером нашей сборной парикмахеров. Среди огромного количества фотографий с моделями причесок, которые мне показала Долорес, я почему-то выбрала две. Сергея Зверева.

Я мечтала у него постричься. «Забудь, детка, — сказали мне. — Тебе придется долго копить деньги». Все, забыла.

...Между «вчера» и «сегодня» — пятилетка. Сегодня он еще круче и недоступнее: потому что «лучший». «Лучший среди самых именитых мастеров мира», — назвал его генеральный секретарь Международной ассоциации парикмахеров.

23.04.99
Сам он не может перечислить все свои регалии, звания и награды. Стеснительно так: «Ну я многие не помню, да и не важно это все». — «О'кей, — говорю, — но ты в себе видишь гения?»

— Нет, нет! Я о себе мало хорошего думаю. Я собой всегда недоволен. Все, что я делаю, — суперсильно, суперкруто — но на этом этапе, здесь. И я знаю, что на этом этапе, здесь, этого никто не делает. Но там, на Западе... О-о, что ты. Там очень сильные мастера! Я вижу, как они работают и с чем они работают. Иногда на чемпионате смотришь, что первое и последнее места взяли мастера, совершенно равноценные, и даже не понимаешь, где они лучше, а в чем хуже.

— А здесь у тебя, выходит, нет конкурентов?

— У нас много стилистов, визажистов.

Здесь они кричат: да кто он такой, этот Зверев? А когда я приезжаю на конкурс туда, на Запад, я никого из них не вижу. Где они, лучшие из лучших?

— Ты скоро опять уезжаешь в Лондон на чемпионат мира. Зачем тебе это?

— Совсем не обязательно, что я привезу гран-при или первое место — это все коммерция. Я еду туда потому, что должен защищать честь страны, понимаешь? И мне это интересно.

Но вообще я делаю много лишнего — то, что делать не нужно, и то, что уже делал. Я был и на чемпионате Европы, и на чемпионате мира. Казалось бы — зачем к этому возвращаться? Но мне действительно это интересно. Все остальное кажется какой-то мышинной возней. К тому же там собираются самые сильные мастера, которые входят во Всемирную конфедерацию парикмахеров — на них стоит посмотреть.

Застрелите меня, но я не знаю, кто же все-таки Зверев: парикмахер, стилист, визажист, художник? («Ты забыла про кутюрье. Да, это все я!») К тому же он еще сделал коллекцию одежды. Мне, если честно, было смешно: зачем пытаться прыгнуть выше головы?

— Я делаю то, что идет от сердца. Мне действительно нужна была коллекция. Моя коллекция. Чтобы мои модели выходили не в чужой одежде. Уж если делать шоу — так настоящее. Мое шоу — это не песня под фонограмму: я должен нарисовать манекенщицу, сделать ей прическу, одеть, обуть и даже сказать, как она должна двигаться.

Я случайно увидела его свадебные платья. Потрясающие: пышные, длинные, полупрозрачные. Огромные шляпы «Незнакомки» Крамского, с вуалями.

Совершенно черные.

Он говорил какие-то ужасные вещи: «Я посвящаю эти платья всем невестам, которые умерли». Авангардизм? Китч? Желание выделиться?

— Я еще об этом никому не рассказывал... У меня была любимая модель — Олечка, нас очень многое связывало. Она однажды на съемках похвасталась, что купила себе подвенечное платье, а мы шутили — наденет ли она его в ближайшее время? Ире Понаровской оно очень понравилось, Олечка тогда ей сказала: «Вы знаете, Ира, я вам его подарю, когда замуж выйду. А то примета плохая — платье перед свадьбой отдавать». Олечку хоронили в этом платье. Даже не хоронили — сожгли, потому что хоронить-то нечего было: после катастрофы ничего не осталось. И я уже не мог сделать невесту в белом... Меня, конечно, немногие понимали: не всем все объяснишь.

Самые мои тяжелые дни связаны со смертью. Смертью моего отца. Бабушки. Старшего брата. Мы с ним были очень

близки. Я узнал о его смерти только на второй день — приехал с чемпионата мира и... Да-а.

У меня были трудные времена. Школа и армия. Я иногда просыпаюсь в холодном поту: Боже, сколько времени я потерял, какой кусок жизни! Его же ничем не возмистишь! Ты не поверишь, я в армии был замкомовзвода — катастрофа!!!

МНЕ ТОЛЬКО что сказали, что вчера ты работал с Наиной Ельциной...

— Наину Иосифовну стригут многие мастера нашего салона, и, конечно, первоклассные мастера. Даже мои ученики. Стригут те, кому скажет Долорес.

— Тем не менее ты делаешь столько «звезд» и «котцов» страны, что легче перечислить тех, кто не входит в их число. Говорят, что Понаровская «держала» тебя при себе несколько лет — будто ей легче было потерять «фанеру», чем тебя.

— Это нормально, — смеется. — Женщины такие: их удави, они не скажут, с кем работают. Ну а мужчины... Это не им нужно хвастаться, с кем они знакомы, а мне. К тому же многие мои клиенты — мои друзья.

Друзей у меня много. Очень много. Они меня выручают по малейшей просьбе. Один мой друг подарил Ире Понаровской машину. Он хотел подарить ее мне, но я-то знал, что ей нужнее, у нее были проблемы с транспортом. А проблемы моих друзей — мои проблемы.

— Говорят, тебя однажды украли друзья...

— Уверали, что всего-то на несколько часов, и — сразу в самолет. Но так получилось, что задержался я на несколько дней... Мне сказали: вот тебе квартира на берегу моря, с мебелью барокко и антиквариатом, мы тебе паспорт сделаем, все, что захочешь, — оставайся... Такие вот у меня добрые наивные друзья.

— Что ж, одни делятся с другом бутылкой портвейна, другие — запросто — машиной и квартирой...

— Я неприхотлив. Мне много не нужно. Сейчас вот с трудом делаю ремонт в новой квартире (мне ее подарил один очень дорогой мне человек из правительства). Там у меня красиво будет: хорошая мебель, белые стены — по-европейски. Не помпезно, а скромно, уютно. Я люблю уют.

ВСТАЕТ, начинает собирать инструменты в кофр. Натягивает пальто, и по-другому в сторону: «На вот тебе приглашение на ужин: там будут банкиры и политики. Возьми с собой подружку, такую же симпатичную, как сама, оденьтесь поприличнее — будете украшением... Да, о чем бишь мы?»

— Слушай, я не высокомерный. Я просто так устроен — переключаюсь от одного к другому. Многих это сильно раздражает: я иногда могу во время разговора вообще отключиться. Но нет, я не высокомерный — мне в любой момент может прийти в голову совершенно потрясающая идея.

Сейчас поеду домой — переоденусь, потом — на деловой ужин. После ужина — еще несколько встреч. У меня все запланировано до минуты, — складывает ладони книжечкой, — я успеваю все только потому, что больше ничем другим не занимаюсь.

— Ладно, давай: ужин, встреча, го, сс. Ты вообще спишь когда-нибудь?

— Если долгий путь, урываю в машине по полчаса. А отпусков и выходных у меня действительно очень давно не было: то съемки, то выступления. Работа такая адская. Но это МОЕ. Жизнь для меня вообще не лотерея. Я всего добиваюсь сам. Мне все дается только через кровь и пот.

— Ты зарабатываешь деньги вообще-то успеваешь на что-нибудь тратить?

— Да, — улыбается. — На подарки маме. Красивые и дорогие.

Накидывает шарф и — одной ногой в дверях: «Я еще ничего не достиг. Я ничего, понимаешь, ничего не сделал... Автографы — это приятно. Но я ж понимаю, как это катастрофически мало...».

Виктория САРЫКИНА.